

А Л А Н

У О Т С

ДУХ
ДЗЕН-

БУДДИЗМА

Духовные практики

Алан Уотс

Дух дзен-буддизма

«Издательство АСТ»

1936

УДК 244.82
ББК 86.35

Уотс А.

Дух дзен-буддизма / А. Уотс — «Издательство АСТ»,
1936 — (Духовные практики)

ISBN 978-5-17-134223-4

Алан Уотс (1915—1973) — известный британский философ, писатель, лектор, один из самых выдающихся переводчиков и популяризатор восточной философии на Западе, написал более 25 книг. Уотс является учеником и последователем Дайсэцу Судзуки — японского буддолога, философа и психолога. После создания сыном Алана Марком Уотсом сайта alanwattspodcast.com в сети появились аудиозаписи Уотса, которые можно найти в том числе и на YouTube. «Дух дзен» — первая книга Уотса, написанная в 1936 году. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 244.82
ББК 86.35

ISBN 978-5-17-134223-4

© Уотс А., 1936
© Издательство АСТ, 1936

Содержание

Благодарность	6
Предисловие	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алан Уотс
Дух дзен-буддизма
Кристинасу Хамфризу

* * *

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Salky Literary Management, Claire Roberts Global Literary Management and The Van Lear Agency LLC

© 1936 by by Alan Watts

© 1986 Copyright renewed by Joan Watts and Anne Watts

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2022

Благодарность

Я никогда бы не смог написать эту книгу, если бы не работа Дайсэцу Тэйтаро Судзуки, профессора философии Университета Отани в Киото. Это благодаря ему мы, жители Запада, знаем почти все о дзен, и я глубоко признателен профессору за то, что он позволил мне цитировать его переводы написанного и сказанного учителями дзен – их вы увидите на следующих страницах. Для кого-то эта книга станет первым знакомством с дзен, и поэтому я рекомендую в дальнейшем обратиться к работам профессора Судзуки – «Очеркам о дзен-буддизме» в трех частях, где данная тема рассматривается более подробно.

Также хочу выразить особую благодарность мистеру Кристмасу Хамфризу, основателю лондонского буддистского общества, за то, что он вычитал мою рукопись и дал мне дельные советы для ее улучшения. Я, безусловно, в долгу перед ним, поскольку он не только познакомил меня с работами профессора Судзуки, но и положил начало моему изучению буддизма. И потому я никогда не смогу в полной мере выразить всю свою благодарность.

Алан У. Уотс

Бромли, Кент. Декабрь, 1935

Предисловие

Еще недавно Запад почти ничего не знал про дзен-буддизм, если не считать нескольких востоковедов, чей интерес в данном предмете был в первую очередь академическим. Незадолго до войны появилась лишь одна работа про дзен, и ее издавали на любом европейском языке – это «Религия самураев» Кайтэна Нукария. Также еще было несколько различных упоминаний в книгах о буддизме. Только когда профессор из Киото, Д. Т. Судзуки, в 1927 году опубликовал первый том своих очерков о дзен-буддизме, тогда и появились работы, нацеленные на то, чтобы хоть как-то вызвать интерес у Запада и в то же время донести что-то важное об истинном духе дзен. Позже профессор Судзуки опубликовал еще два тома очерков, и во многом это благодаря ему мы хоть что-то знаем о данном предмете. В результате интерес к дзен стал быстро расти не только среди тех, кто профессионально занимался восточной философией! Дзен так не похож на любую другую форму буддизма, – а кто-то даже скажет, что и на любую форму религии вообще, – что он пробудил любопытство у тех, кто обычно не обращался к «непрактичному» Востоку в поисках житейской мудрости.

Если интерес появился, от него не так-то легко избавиться, а дзен может особенно очаровать уставшие от привычной религии и философии умы. Дзен обходится без всевозможных форм теоретизации, доктринальных наставлений и безжизненной формальности. Их считают не более чем символами мудрости, а вот дзен основывается на практике и глубоком, личном переживании реальности, чего большинство форм религии и философии не касаются, так как не заходят дальше мыслительных или эмоциональных описаний. И это еще не говоря о том, что дзен – единственный верный путь к просветлению. Разница между дзен и другими формами религии состоит в том, что «иные дорожки медленно выются по горному склону, а дзен, точно римская дорога, несмотря на преграды, ведет напрямую к Цели». В конце концов, убеждения, догматы и философские системы – это всего лишь идеи об истине, равно как и слова: они не являются фактами, они только говорят о фактах. Дзен – это смелая попытка напрямую связаться с истиной, не позволяя теориям и символам встать между субъектом познания и познаваемым. В некотором смысле дзен – это чувство жизни, а не чувство чего-то о жизни; дзен не терпит заимствованной мудрости, чьих-то описаний духовного опыта, концепций и верований. Пока эту мудрость считают дорожным знаком, указывающим на путь, ее с легкостью принимают за сам путь или даже цель. И так хитро описания истины принимают вид самой истины, что дзен часто становится формой иконоборчества, разрушителем интеллектуальных образов существующей реальности, познаваемой только через личное переживание.

Но дзен уникален именно благодаря своим методам обучения. Здесь нет доктрин, не нужно изучать священные книги, нет формальной программы по духовному развитию. Кроме нескольких собраний проповедей первых учителей – а это можно считать лишь попыткой рационально истолковать учение дзен – все записи сводятся к небольшому количеству диалогов (*мондо*)¹ между учителями и их учениками. И они, кажется, уделяют очень мало внимания обычным стандартам логики и обоснованным рассуждениям, что на первый взгляд кажется бессмысленным. Также есть несколько комментариев к этим диалогам и большое собрание

¹ *Мондо* по-японски или *вэньда* по-китайски (##) – букв. «вопрос-ответ». Это серия быстрых вопросов учителя и быстрых ответов ученика, носящих парадоксальный характер. Главная идея парадоксальности сводится к тому же, что и в даосизме – выбить человека из привычного состояния сознания, разрушить присущие обычному сознанию стереотипы и на интуитивном уровне приблизиться к пониманию сути учения. Традиция зародилась еще в раннем чаньском буддизме, скорее всего, в чаньской школе Линьцзи, которую создал китайский наставник чань-буддизма Линьцзи Исюань (####) (яп. Риндзай Гигэн) (? – ~866 г.). Данная школа считается первой чань-буддийской школой, которая пришла в Японию, т. е. первой дзен-буддийской школой, когда около 1199 года японский монах Эйсай (##) (1141–1215) предоставил эту форму буддизма на Японских островах – (Прим. науч. ред.)

коротких стихотворений, которые можно увидеть на китайских и японских картинах, но с интеллектуальной точки зрения в них смысла не больше, чем в самих диалогах. Эти записи были настолько непонятными, что Вигер описал литературу дзен как «бесчисленное количество фолиантов, в которых есть лишь глупые, противоречивые ответы на вопросы. В них не найдешь необходимых сведений об их взаимоотношениях, которые нужно знать, чтобы понять содержание. Это всего лишь набор восклицаний, что вырвались из уст дураков, на мгновение вернувшихся из комы».

Это действительно легко – позволить внешнему облику ввести в заблуждение, ведь как высокие и низкие ноты не услышишь, так и, возможно, огромный смысл и бессмыслицу – не поймешь. Но дзен не собирается быть понятным или, иначе говоря, иметь возможность быть понятым разумом. Метод дзен заключается в том, чтобы озадачить, взволновать, поставить в тупик и изнурить разум, пока не станет очевидно, что познание – это только размышление. И он будет злить, раздражать и снова вытягивать эмоции, пока не станет ясно, что эмоции – это только чувство. И затем, когда ученик попадает в интеллектуальный и эмоциональный тупик, дзен заполняет пробел между заимствованным понятийным контактом с реальностью и непосредственным опытом. Для этого он пускает в ход лучшую способность сознания – интуицию, или *буддхи*, которую иногда еще называют «Око духа». Словом, цель дзен – акцентировать внимание на самой реальности, а не на том, как мы интеллектуально и эмоционально реагируем на эту реальность. Ведь она постоянно движется, растет и меняется; это нечто неопределенное, что называется «жизнь» – и она ни на секунду не остановится для того, чтобы мы смогли должным образом вписать ее в какую-либо строгую систему категорий или идей.

Поэтому тем, кто пытается писать о дзен, приходится сталкиваться с весьма необычными трудностями. Этот человек не объяснит, а только укажет; он может постоянно ставить задачи и давать намеки, которые, дразня читателя, в лучшем случае лишь немного приблизят его к истине, но в тот момент, когда он подходит к четкому определению, суть тут же ускользает, а определение становится всего-навсего философской концепцией. Дзен никак нельзя свести к «-изм» и «-логия»; дзен живой, и его нельзя вскрыть и изучить, как мертвеца. Поэтому, если мы сомневаемся в здравомыслии и вменяемости высказываний некоторых учителей дзен, позвольте нам, для начала, оправдать их и предположить, что в их абсолютном пренебрежении логикой все же есть мудрость. Так, учитель Уцзу² говорит: «Разрешите мне привести пример из басни. Корова вылезает через окно. Ее голова, рога и четыре ноги прошли свободно, но только хвост не может. Почему не может?» Или, например, монах пришел к Цуншэню³ и сказал:

– Я только что прибыл в этот монастырь. Не могли бы вы дать мне какие-нибудь указания?

На что учитель сказал:

– Ты уже съел свой завтрак или еще нет?

² Наставник Уцзу Фаянь (####, *яп.* Госо Хен) (1024?-1104) – наставник Фаянь принадлежал школе чань-буддизма Линьцзи (##) (*яп.* Риндзай), которая была основана китайским наставником Линьцзи Исюанем, еще в эпоху Тан (618–907 гг.) – период правления династии Ли (##), когда Китай установил экономические и культурные контакты с Японией, Кореей, Индией, Персией, Аравией и другими государствами, и в этот период Япония и Корея переняли многое из китайской традиции, впоследствии переработав перенятое, в том числе и чань-буддизм. Наставник Фаянь жил в следующую после Тан эпоху – Сун (##) (960-1279 гг.) – в миру носил фамилию Дэн (##), в 35 лет принял постриг и в Чэнду занимался учением о сознании школы Йогачара, потом странствовал в течение более десяти лет по территории сунского Китая и увлекся чань-буддизмом, обучался у наставника Байюнь Шодуана (## ## *яп.* Хакуун Шутан). Его речи, в том числе и данная цитата, вошли в сборник «Записи речей наставника Уцзу Фаяня» (#####), составленного уже после его смерти. – (*Прим. науч. ред.*)

³ Наставник Чжаочжоу Цуншэнь (#### *яп.* Дзёсю Дзюсин) (778–897) – мирская фамилия Хао (##). один из известных наставников школы Чань. Цуншэнь считается одним из величайших мастеров чань-буддизма эпохи Тан. Еще в 18 лет встретил наставника Наньцзоань Пуяоаня (#### *яп.* Нансен Фуган) (748–835). Известен своими коанами (## *кит.* гуньан), которые вошли в различные сборники, к примеру в «Речения с Лазурного утеса» *Бияньлу* (### *яп.* Хэкинганроку). Если мондо – это небольшие рассказы, беседы наставника и ученика, которые часто наполнены парадоксами, то коан – это парадоксальная задача, но, как и мондо, коан преследует ту же цель – проверить работу разума, насколько он гибок и насколько может выходить за рамки привычного. О коанах автор книги будет говорить ниже, в главе 3. Техника дзен. (*Прим. науч. ред.*)

– Да, съел, учитель.

– Тогда помой за собой посуду.

Говорят, что после этого разговора монах обрел просветление.

Безумие это или нет, но факт в том, что дзен серьезно повлиял на культуру Дальнего Востока, и если мы переведем его в мысль и действие – только тогда мы сможем проверить ценность нашего внутреннего духа, даже если это может показаться непонятным. Западные жители, должно быть, часто спрашивают себя, как же величайшие произведения искусства Дальнего Востока приобрели столь хитрое и необъяснимое свойство, которое делает их неповторимыми среди всех творений человеческого духа. Ответ кроется в дзен – в этом образе жизни, чья важнейшая роль в истории Китая и Японии до недавнего времени была недооценена Западом, и только недавно у нас появился ключ к тому, что такое дзен.

Глава 1

Происхождение дзен

Описать красоту заката человеку, слепому с рождения, так же невозможно, как и мудрецу подобрать нужные слова, чтобы объяснить мудрость тому, кто понимает меньше него. Ибо мудрость – не в их учении. Иначе каждый стал бы мудрецом, просто прочитав «Бхагавад-гиту», «Диалоги» Платона или священные буддистские тексты. Таким образом, кто-то может изучать эти книги всю жизнь и не стать мудрее, ведь искать просветления в словах и идеях (позаимствуем фразу у доктора Триганта Барроу) – это все равно что ожидать, что «сам вид меню удовлетворит внутренние процессы голодного человека». Однако нет ничего проще, чем *принять мудрость самого мудреца за его учение*, поскольку при отсутствии всякого понимания истины любое описание понимания можно ошибочно принять за саму истину. И если это истина, тогда указатель – это город, на который он указывает. Гаутама Будда (Просветленный) очень осторожно избегал любых описаний озарения, которое на него нахлынуло, когда он сидел под огромным фиговым деревом в Гае⁴ как-то ночью. Нам известно, что когда его спрашивали о величайших тайнах вселенной, он «величественно хранил молчание». Он не переставал повторять, что его учение (*дхарма*) касалось только пути к просветлению, и он никогда не называл это откровением просветления. Отсюда следующий буддистский стих:

Когда они с интересом спросят тебя,
Желая узнать, что есть Она,
Не утверждай и не отрицай ничего.
Любое утверждение не будет истиной
И любое отрицание не будет правдой.
Но как же верно ему сказать,
Чем это может быть,
Пока он сам не до конца победил у того,
Что это есть?
И затем, победив, какое сообщение
он отправит из Места,
Где колесница из слов не сможет пройти?
Посему на вопросы их – предложи тишину
И лишь пальцем на Путь укажи.

Даже последователи Будды ищут просветления в его пальце вместо того, чтобы отправиться туда, куда он в тишине указывает. Они глубоко почитают его высказывания и полагаются на них, как будто даже лелеют его мудрость. Но при этом они сохранили эти записи не только в качестве некоего алтаря, но и гробницы, в которой погребено мертвое тело его мудрости. Однако просветление – это проживание, и его нельзя свести к какой бы то ни было форме слов. Таким образом, целью дзен как школы буддизма становится выход за пределы слов и идей, чтобы в первое озарение Будды можно было снова вдохнуть жизнь. Это озарение считается самым важным в дзен, а писания – всего лишь временное средство для достижения цели, инструмент, показывающий, где можно отыскать озарение. Дзен никогда не допускает

---

⁴ Имеется в виду город Бодхгая (Бодх-гая), город в Индии, в штате Бихар, где Будда, собственно, достиг просветления. – (Прим. науч. ред.)

смешения учения и мудрости, ведь, по существу, дзен – это «нечто», различающее Будду и обычного человека. Просветление отличается от учения.

Как и у большинства ключевых слов в Восточной философии, у «дзен» нет эквивалента в английском языке. Это японское слово, оно происходит от китайского «ch'an» (чань #) или «ch'an-pa» (чаньпа ##)⁵, которое в результате искажения санскритского «дхьяна» стали переводить как «медитация». Это неверный перевод, поскольку для англичанина «медитация» означает лишь глубокую задумчивость и рефлексивность, в то время как в психологии йоги «дхьяна» – это наивысшее состояние осознанности, когда человек обретает единение с Абсолютом. То же можно сказать про чань и дзен, с той лишь разницей, что в китайском менталитете искать единение предпочтительнее не в уединенной медитации где-то в джунглях, а в каждодневном труде. В дзен нет ничего «сверхъестественного», поскольку это – постоянное умонастроение, подходящее как для стирки одежды, так и для религиозной службы; йога же предполагает удаление от мира, чтобы достичь дхьяна. Дзен можно увидеть в монастырской общине, где учитель и ученики разделяют все обязанности между собой: они выращивают рис, занимаются садоводством, готовят, рубят дрова и сохраняют место в чистоте. Так что, если переводить «дзен», то самым лучшим вариантом будет «просветление», но даже в этом случае дзен не только само просветление, но и путь к нему.

Существует предание, согласно которому дзен зародился в тот момент, когда ночью в Гае у Будды случилось великое озарение касательно тайн мира – в V веке до нашей эры. Это озарение передавалось через двадцать восемь патриархов до тех пор, пока не дошло до Бодхидхармы, который и познакомил Китай с дзен⁶ в VI веке нашей эры. В записях сказано, что это озарение передавалось в священных текстах и учениях – непосредственно от одного к другому. Это была «прямая передача», сообщение, которое переходило от духа к духу, понятное только тому человеку, который был достаточно развитым, чтобы постичь просветление его учителя. И пока это «Секретное Послание» передавалось от одного к другому, последователи Будды образовывали различные школы, которые можно разделить на два главных направления: махаяна («великая колесница») и хинаяна («малая колесница»). Последний термин выступает как оскорбительный, придуманный последователями первого направления. Различия между ними привели к спорам по поводу влияния определенных писаний. Ни одно из учений Будды не было записано до тех пор, пока не прошло 150 лет после его смерти. До этого времени они повторялись по памяти и передавались в табулированной и механической форме, которая была особенно непривлекательна для западного студента. Очевидно, они стали изобиловать монашескими вставками (смотрите «Очерки о буддизме» Рис-Дэвидс⁷), и хотя принято считать, что вариант пали более оригинальный, в отличие от санскритских писаний махаяны, все равно есть некоторые сомнения по поводу этих двух вариантов – даже они, вероятно, ушли очень далеко от реальных слов Будды. Хинаяна, или тхеравада («учение старейшин»), состоит из тех, кто принимает версию пали – Трипитака («три короба»⁸), которая разделена на три группы

⁵ В современной транскрипции пиньинь, которая была официально принята только в середине XX века, после основания КНР, иероглиф чань (#) записывается именно как ch'an с надстрочным знаком тона. Т. к. автор данной книги писал ее задолго до изобретения официально принятой латинизированной транскрипции, то он пользовался транскрипцией Уэйда-Джайлза, системой романизации китайского языка, широко распространенной в западных странах до введения системы пиньинь, разработанной лингвистом Томасом Уэйдом и Гербертом Джайлзом в XIX веке. – (Прим. науч. ред.)

⁶ Поскольку автор прибегает к использованию терминов трех языков, то может путаться в них – знакомство Китая все же произошло с чань-буддизмом, который лишь после того, как перебрался на японскую почву, превратился в дзен-буддизм, т. к. иероглиф чань (#) в Японии имеет чтение дзен. Чань известен не только в Японии, на территории Вьетнама он известен как тхиен, на территории Кореи – сон. За счет того, что в эпоху Цин (1644–1912), время правления маньчжурской династии Айсинь Гьоро, школа Чань окончательно пришла в упадок, а в XX веке именно японский дзен обрел популярность, то ко всем школам стали применять название «дзен», что исторически и терминологически, конечно, неверно. – (Прим. науч. ред.)

⁷ Имеется в виду книга: Mrs. Rhys Davids, D. Litt. Revival: Outlines of Buddhism: A Historical Sketch Routledge, London 1934. – (Прим. науч. ред.)

⁸ Или же «три корзины» – (Прим. науч. ред.)

сугубо этических учений. Они так убеждены, что в этой версии есть последнее слово мудрости Будды, что просто отказываются признавать любые идеи и предписания, которых в ней нет, и поскольку ее наказания носят этический характер, хинаяна стала более формальной, строгой, почти материалистической школой мысли. С момента ее образования до настоящих дней ее философия ничуть не изменилась. А вот священные писания махаяны, напротив, состоят исключительно из метафизических рассуждений, которые постоянно дополняли и объясняли с новой точки зрения. Территориально хинаяна занимает южную часть Азии – Цейлон, Бирму⁹, а также Сиам; махаяна же простирается на севере – до Китая, Тибета, Монголии, Кореи и Японии. Хинаяна мало чем отличается в разных странах, а махаяна, напротив, включает множество различных сект: от весьма ритуалистического ламаизма в Тибете до новой простоты дзен в Японии.

У этих двух направлений в буддизме общая основа в простейших принципах учения Будды. Если коротко, это учение о том, что человек страдает из-за своего страстного желания иметь и хранить у себя вещи, которые по существу невечны. Главная среди этих вещей – его собственная личность, ведь благодаря ей он может изолироваться от всего мира. Это замок, в котором он может укрыться и из которого может противостоять внешним силам. И он верит, что это укрепленная и изолированная позиция – самый лучший способ обрести счастье. Это позволяет ему бороться с переменами, бороться за возможность удерживать приятные ему вещи, не допускать страдания и создавать такие обстоятельства, какие ему хочется. Словом, так он противостоит жизни. Будда же учил, что все вещи, включая и этот замок, невечны, и только человек пытается овладеть ими, как они тут же ускользают, а желание обладать рождает безысходность, и она становится причиной страдания. Но он пошел дальше и объяснил, что есть основная причина – это заблуждение, что человек может отгородиться от мира. Ошибочная изоляция достигается путем отождествления себя с этим замком, то есть личностью; но поскольку этот замок невечен, в нем нет неизменной реальности, нет «самости» (*атма*), в нем «я» не больше, чем в любом другом изменяющемся предмете. А что же такое это «я»? Будда хранил молчание, когда ему задали этот вопрос, но он говорил, что человек сможет это понять, только когда перестанет отождествлять себя со своей личностью, когда перестанет противостоять внешнему миру из своего укрытия и когда прекратит враждовать с жизнью и грабить ее. В противовес этой философии уединения Будда провозгласил единение всего живого и обязал своих последователей заменить эту враждебность священным состраданием (*каруна*). Практика этого учения позволяет ученикам достичь нирваны – конца страданий и эгоизма; это состояние вечного блаженства, которое не описать никакими словами. Вдобавок к этому Будда включил в свою философию жизни старинные основы кармы (закон причины и следствия) и ее результат – перерождение, или реинкарнацию (см. приложение 2). Они подразумевают, что смерть не положит конец страданиям, поскольку «всякая жизнь человеческая есть результат его прошлой жизни». Смерть – всего лишь временная передышка, а человеку необходимо добиться своего спасения, проживая бесчисленное количество жизней, пока он наконец не достигнет просветления.

До сих пор махаяна и хинаяна находятся в согласии, хотя расходятся во мнениях касательно молчания Будды на вопрос о «я». Что можно обнаружить, когда человек перестает противостоять жизни из-за барьера своей личности? В то время как Будда утверждает, что никакой «самости» в личности нет, хинаяна говорит, что «я» нет вообще. Махаяна же считает, что истинное «я» можно найти, только если вытеснить ложное «я». Когда человек не отождествляет себя со своей личностью и не использует ее как способ противостоять жизни, он видит, что его «я» – куда больше, чем просто его существование. Оно хранит в себе целую вселенную.

⁹ До 1989 года государство сокращенно именовалось Бирма, теперь же в сокращенном своем варианте называется Мьянма. – (Прим. науч. ред.)

Хинаяна же, осознавая, что ни один предмет по своему существу не является «я», состоит из постижения этого. Следовательно, это отрицание жизни и достижение просветления только путем отрицательного понимания того, что все отдельные сущности – это *анатта*, то есть отсутствие эго, и *аничча* – отсутствие постоянства. Но махаяна дополняет это отрицание следующим утверждением: отрицая существование эго во всевозможных предметах, мы находим его в их совокупности. Таким образом, просветление направлено на отрицание эго в замке, но при этом нужно понимать, что «я» не только человек, называемый «я» и отличный от человека «ты». «Я» – это и «я», и «ты», и все что угодно. Поэтому махаяна утверждает жизнь, заявляя, что все предметы – «я», вместо того чтобы отрицать его, говоря, что в отдельно взятом предмете не может быть эго. Так, в основном между махаяной и хинаяной нет разногласий в этом вопросе, но разница в том, что первое направление идет дальше, чем второе.

Различия в теории создают существенные различия в практике. Хинаянист из-за своего отрицательного идеала считает наилучшей формой человека того, кто с легкостью достигает своей нирваны, своего освобождения через постижение аннаты и аниччи, и останавливается на этом. Такого человека называют архатом, отличным от бодхисаттвы, который в свою очередь является идеальным человеком в философии махаяны. Он не намеревается просто достигать нирваны. Бодхисаттва чувствует, что не может наслаждаться вечным блаженством, пока остальные страдают, ведь он понимает, что никакой существенной разницы между ними нет и поэтому его нирвана не будет совершенной, если они не присоединятся к нему. Поскольку он утверждает, что вся жизнь – «я», то и все существа, таким образом, это «другие я», и для него нирвана – тщеславие и эгоизм, если хотя бы одно существо не достигнет просветления. Поэтому после бесчисленных перерождений и болезненной борьбы с самообманом он все-таки получает право на вечное блаженство, но он отказывается от него, чтобы помочь достичь просветления каждому живому существу. Идеал бодхисаттвы подразумевает абсолютное принятие жизни, он все замечает и все берет во внимание, поскольку отождествляет себя со всем вокруг. «Отказываясь от эго, вселенная растит „я“». Так, Кайзерлинг описывает его как человека, который «отвечает „да“ самому порочному миру, потому что знает, что он един с ним. Избавившись от себя, он чувствует, что его основание в Боге, а то, что снаружи, переплетено со всем существующим. Поэтому он должен любить все живое так, как любит себя, поэтому он не может уйти на покой, пока каждый не станет отражать божественное во всем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.